

Ян Гуан кивнул в знак согласия и произнёс:

— Отец совершенно прав.

— Тогда... — Ян Цзянь, не сомневаясь, продолжил:

— Тогда пошли.

Двое быстро дошли до больницы, неся с собой «суп с рёбрышками без рёбрышек».

Ян Цзянь уже говорил перед уходом, что принесёт суп с рёбрышками, и Янь Чэнь, честно говоря, ждал с нетерпением. Ведь У И рассказывал, что у Ян Цзяня отличные кулинарные навыки. В компании все обычно обедали его приготовлениями, и после этого никто не хотел заказывать еду извне.

Ян Цзянь с грохотом поставил термос на столик у кровати и с гордостью заявил:

— Это суп с рёбрышками, который я готовил три часа! Очень ароматный и насыщенный, в нём полно рёбрышек...

Рёбер...

Продолжая говорить, он открыл термос, готовясь вылить суп и рёбрышки, но, взглянув внутрь, застыл в позе, напоминающей знаменитую картину «Крик», и, прикрывая лицо руками, воскликнул:

— Где рёбрышки!? Как это получилось, что осталась только одна кость!?

Не веря своим глазам, Ян Цзянь попытался выловить рёбрышки палочками, но в итоге достал только одну кость.

Он только что хвастался, что его суп насыщен рёбрышками, а теперь оказалось, что там их вообще нет. Это был настоящий удар по его самолюбию.

Маленький Баоцзы тут же повернулся к Ян Гуану, упёрся руками в бока и сердито сказал:

— Папа! Где рёбрышки!? Это ты их съел? Ты снова украл еду, как в прошлый раз, когда готовил для сестры Лю Шуй!

Ян Гуан с видом невиновного ответил:

— Меня оклеветали, я не ел.

Ян Цзянь не поверил, ведь у Ян Гуана уже были «прецеденты». Тот же спокойно продолжил:

— Такой большой кастрюлей супа, когда бы я успел его съесть? К тому же, если бы я съел столько рёбрышек, я бы сейчас лежал с переполненным желудком, а я, наоборот, голоден до потери кубиков на животе.

Чтобы доказать свою невиновность, Ян Гуан «беззастенчиво» поднял рубашку, и, надо сказать, его живот был абсолютно плоским, без малейшего намёка на переедание. Восемь кубиков пресса были идеальны, без единой капли жира, вызывая зависть и восхищение.

Янь Чэнь невольно моргнул, удивлённый тем, что знаменитый и грозный Ян, которого все в

шоу-бизнесе боялись, мог быть таким наглым.

Ян Цзянь тоже не выдержал позора и, размахивая ручонками, сказал:

— Опустит рубашку, хватит выставяться!

Ян Гуан опустил рубашку, поправил одежду и подвёл итог:

— Так что, я не ел рёбрышки.

Янь Чэнь смущённо улыбнулся:

— На самом деле... суп всё равно пахнет очень аппетитно!

— 36-я койка! Ваш ужин.

В больнице начали раздавать ужин, и сотрудник принёс две белых булочки...

Ян Цзянь моргнул:

— Это...?

У И объяснил:

— Я слышал, что вы принесёте ужин, поэтому отменил заказ, оставив только две булочки...

Так ужин Янь Чэня превратился в две белые булочки и большую миску прозрачного супа с рёбрышками, в которой плавала одна голая кость...

Ян Гуан, сидя на диване со скрещёнными ногами, элегантно улыбнулся:

— Больным полезно есть лёгкую пищу.

Янь Чэнь: «...»

Он всё больше понимал, что если он действительно присоединится к Гуанмин Фильм, то спокойной жизни ему не видать...

— Янь Чэнь! Янь Чэнь, выходи!

— Ты, неблагодарный! Ты разрушил нашу семью Ляо!

— Как ты смеешь притворяться больным?! Выходи, Янь Чэнь!

В коридоре больницы начался шум, медсёстры пытались успокоить, но люди не слушались, и шум только усиливался.

Это были люди из семьи Ляо.

Старейшина Ляо попал в беду, и Динфэн Фильм теперь находился в полном хаосе, с кучей проблем. Члены семьи Ляо не выдержали и пришли в больницу, чтобы устроить скандал.

У И сказал:

— Крёстный, отдохните, я разберусь.

— Не нужно, — ответил Янь Чэнь. — Они пришли за мной, и если не увидят меня, не успокоятся. Я сам разберусь.

— Но... — У И беспокоился за его здоровье, ведь Янь Чэнь всё ещё восстанавливался.

Янь Чэнь улыбнулся:

— Крёстный видал и не такие бури, неужели я испугаюсь этих мелких сошек?

У И помог Янь Чэню спуститься с кровати, усадил его в инвалидное кресло и выкатил из палаты.

Ян Цзянь размахивал ручонками:

— Сынок, пошли, посмотрим, что там происходит.

Люди из семьи Ляо кричали в коридоре, и, увидев Янь Чэня, сразу же заволновались:

— Янь Чэнь! Ты, неблагодарный, наша семья Ляо относилась к тебе хорошо! Кормила, поила, оплачивала твоё обучение в университете! Посмотри, что ты сделал! Отправил своего крёстного в тюрьму! Ты настоящий неблагодарный!

Янь Чэнь спокойно ответил:

— Да, это правда, семья Ляо кормила и поила меня, оплачивала моё обучение, и если бы не они, я был бы бедным сиротой. Но за почти двадцать лет в Динфэн Фильм я создал огромную прибыль для компании. В каждом дивиденде членов семьи Ляо есть часть моей крови и пота. Я вернул семье Ляо гораздо больше, чем они дали мне. Если говорить о том, что семья Ляо относилась ко мне хорошо, то да, старейшина Ляо дважды не смог меня убить, и я должен поблагодарить его за это.

Люди из семьи Ляо не смогли ничего возразить, замялись, а затем продолжили:

— В общем! Ты, неблагодарный, если тебе так не нравится семья Ляо, тогда уходи из Динфэн Фильм! Динфэн Фильм принадлежит нам, Ляо, и если тебе это не нравится, уходи сам!

Оказывается, они пришли из-за Динфэн Фильм.

Динфэн Фильм сейчас находился в полном беспорядке, и его бойкотировали в сети, но все понимали, что даже упавшая звезда всё ещё ярче, чем обычная. После этого скандала многие хотели разделить Динфэн Фильм, не ради его будущего, а ради денег, ведь каждый хотел урвать свою долю, чтобы не остаться внакладе.

Но в Динфэн Фильм было одно имя, которое выделялось — Янь Чэнь.

У Янь Чэня были акции компании, и их вес был значительным. Если бы он не ушёл и не дал своего согласия, члены семьи Ляо не смогли бы собрать достаточное количество акций, чтобы получить контроль и разделить оставшиеся активы компании.

Поэтому они пришли, чтобы заставить Янь Чэня добровольно уйти, чтобы они могли получить свою выгоду.

У И, услышав это, возмутился:

— Почему мой крёстный должен уходить? Если бы не он, Динфэн Фильм не достиг бы такого уровня, а теперь вы хотите, чтобы он добровольно ушёл?

— Ты кто такой!? — крикнул один из членов семьи Ляо. — Кто тебе разрешил говорить!?

С этими словами он попытался толкнуть У И в плечо.

Янь Чэнь сузил глаза, подъехал на коляске и схватил запястье того человека, резко толкнув его. Тот чуть не упал на пол, крича:

— Они бьют! Они бьют!

Янь Чэнь холодно усмехнулся:

— Вы пришли сюда только для того, чтобы разделить Динфэн Фильм, считая, что я мешаю, и хотите, чтобы я убрался, не так ли?

Люди из семьи Ляо замолчали. Хотя слова Янь Чэня были резкими, они отражали правду.

Янь Чэнь спокойно сказал:

— Хорошо, я уйду.

— Крёстный! — У И был шокирован.

Янь Чэнь работал в Динфэн Фильм почти двадцать лет, и теперь, когда он добровольно уходил, это казалось несправедливым. У И чувствовал, что это неправильно.

Янь Чэнь поднял руку, прерывая У И:

— Я уже решил, не нужно уговаривать. Я оставался в Динфэн Фильм, потому что это было место, которое когда-то создало меня, но теперь... у меня больше нет никаких чувств к этому месту.

Люди из семьи Ляо, боясь, что он передумает, спросили:

— Правда? Ты действительно уходишь из Динфэн?!

Янь Чэнь холодно ответил:

— Я держу слово, я уйду сам, а вы теперь можете убираться и больше никогда не беспокоить меня.

Люди из семьи Ляо были в восторге, радостно ушли, и казалось, что им всё равно, что случилось со старейшиной Ляо, попал он в тюрьму или нет.

После их ухода Ян Цзянь стоял на месте и размышлял:

— Старейшина Ляо всю жизнь гнался за чем-то, за этими никчёмными наследниками? Вместо того чтобы использовать такого человека, как Янь Чэнь, он оставил компанию этим бездарностям. Посмотрите, теперь им всё равно, что случилось со старейшиной Ляо, их волнует только то, сколько они могут урвать.

<http://bllate.org/book/16206/1457140>